

Н. А. БЕРДЯЕВ

Размышление о русской революции

Революция в России случилась. Это — факт, который должен быть признан. Признание факта не связано с его оценкой. Революция есть явление природы. Нельзя спорить о том, следует ли признавать или не признавать японское землетрясение. Русская революция есть великое несчастье. Всякая революция — несчастье. Счастливых революций никогда не бывало. Но революции посылаются Божьим промыслом, и потому народы многому в них научаются. Русская революция — отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может. Всякая революция бывает неудачной. Удачных революций никогда не бывало. Французская революция, признанная «великой», тоже была отвратительна и неудачна. Она не лучше русской революции, она была не менее кровавой и жестокой, столь же безбожной, столь же разрушительной в отношении ко всем историческим святыням.

Русская революция не признана великой, она пока только большая революция, она лишена нравственного ореола. Но найдутся историки, которые ее идеализируют и канонизируют в чине великой; создадут легенду, окружают ореолом, хотя потом явятся другие историки, которые разоблачат эту идеализацию и низвергнут легенду. Несчастные русские люди, жестоко пострадавшие духовно и материально от революции, забыли как будто бы, что такое революция, что такое всякая революция. Читать книги по истории революции приятнее, чем переживать революции. Слишком большое негодование против большевистской революции, слишком исключительное приписывание всякого злодейства большевикам есть нередко результат идеализации революции, непреодоленной иллюзии, что революция может быть хорошей и благородной. Историческая память очень коротка у людей революционной эпохи. Слишком многие люди эпохи революции хотят по-своему направить ее и очень озлоблены, что это

не удастся. Но забыли, что революции вообще направить нельзя, как нельзя ее и остановить. Революция есть рок и стихия. И большевики не направляли революции, а были лишь ее послушным орудием. Все почти господствующие оценки революции основаны на том предположении, что ее могло бы и не быть и ее можно было бы не допустить или что она могла бы быть разумной и доброй, если бы злодеи большевики не помешали. Так делается невозможным постижение смысла революции и духовное переживание ее трагического опыта. Нет ничего более жалкого, чем столь распространенные в русской заграничной среде споры о том, произошла ли в России революция или смута и кто будет отвечать за революцию. Это — самоутешение от совершенного бессилия и немоци*. Всякая революция есть смута. Всякая революция есть процесс разложения старого общества и культуры. Идеально-нормативные представления о революции совершенно должны быть оставлены. Революция никогда не бывает такой, какой должна быть, ибо нет должной революции, и не может быть революция долженствованием. Революция есть рок народов и великое несчастье. И несчастье это нужно пережить с достоинством, как с достоинством нужно пережить тяжелое заболевание или смерть близкого существа.

Совершенной потерей исторической перспективы нужно признать ту психологию, в силу которой хотят остановить революцию с точки зрения дореволюционных начал. Это есть нежелание понять, что такое всякая революция, закрывание глаз на ее природу, забвение того, что люди раньше знали о революции. Революция подобна тяжкой инфекционной болезни. Раз зараза проникла в организм, нельзя уже остановить неотвратимого течения болезни. В известный момент будет 41 градус температуры, будет бред. А потом температура падет до 36 градусов. Природа революции такова, что она должна дойти до конца, должна изжить свою яростную стихию, чтобы в конце концов претерпеть неудачу и перейти в свою противоположность, чтобы из собственных недр породить противоядие. В революции неизбежно должны торжествовать крайние течения, и более умеренные течения должны быть извергнуты и уничтожены. В революции всегда погибают те, которые ее начали и которые о ней мечтали. Таков закон революции и такова, по гениальной

* В новейшей книге по истории французской революции, в книге Луи Мадлена «Французская революция», говорится об эмигрантах: «Франция, по их мнению, просто была запугана несколькими разбойниками. Запугиванию надо было противопоставить запугивание. Манифест, который мог бы испугать страну, бросить ее всю целиком к ногам короля. И тогда будет достаточно легиона Кондэ; он войдет с развевающимся белым флагом и тотчас положит конец всему» (т. 1, с. 306). В истории многое повторяется.

мысли Ж. де Местра, воля Провидения, всегда незримо действующая в революциях. Революциями Бог карает людей и народы. Рационалистическим безумием нужно признать всякую надежду, что в стихии революции могут господствовать и могут ее направлять какие-либо более умеренные, разумные партии, жирондисты или кадеты. Это и есть самая неосуществимая из утопий. В русской революции утопистами были кадеты, большевики же были реалистами. Не утопичны ли, не бессмысленны ли были мечты, что Россию вдруг можно превратить в правовое демократическое государство, что русский народ можно гуманными речами заставить признать права и свободы человека и гражданина, что можно либеральными мерами искоренить инстинкты насилия управителей и управляемых? Это была бы неправдоподобная революция, отрицание всех исторических инстинктов и традиций русского народа, более радикальное, чем отрицание большевиков, которые усвоили себе традиционные методы управления и использовали некоторые исконные инстинкты народа. Большевики совсем не были максималистами, они были минималистами, они действовали в направлении наименьшего сопротивления, в полном согласии с инстинктивными вожделениями солдат, истомленных непосильной войной и жаждавших мира, крестьян, вожделевших земель помещиков, рабочих, настроенных злобно и мстительно. Максималистами были те, которые хотели продолжения войны во что бы то ни стало, а не те, которые решили ее прикончить после того, как война внутренне разложилась. Те, которые потворствуют иррациональной стихии революции, действуют в своем роде более рассудительно и реалистично, чем те, которые в этой иррациональной стихии хотят осуществить кабинетный рациональный план политики. Всех кабинетных рациональных политиков революция низвергает и уничтожает, и она по-своему права. В рациональной кабинетной политике не чувствуется никакой органической почвы, никакой стихии, никаких глубоких корней. В революции же есть извращенная и больная народная стихия. Большевизм есть рационалистическое безумие, мания окончательного регулирования жизни, опирающаяся на иррациональную народную стихию. Рационализм же либеральных политиков, готовый признать и некоторые права за иррациональным, ни на какую стихию не опирается. Большевизм был извращенным, вывернутым наизнанку осуществлением русской идеи, и потому он победил. Помогло то, что у русских очень слабо иерархическое чувство, но очень сильна склонность к автократической власти. Ни о каком правовом, конституционном государстве русский народ и слышать не хотел.

Когда революция случилась в судьбе народа, когда стряслось это несчастье, т. е. только один из нее выход. Нужно принять этот факт как ниспосланный Провидением, принять так, как должно принять все страдания и несчастья жизни, все великие испытания: противиться всеми силами духа соблазнам революции, оставаться верными своим святыням, унести светильники в катакомбы, пережить духовно и религиозно-просветленно это несчастье, постигнув его как искупление вины, помогать тем жизненным процессам, в которых революция переходит в свою противоположность, к положительному творчеству. Духовно ложно считать, что источник зла вне меня, а сам я сосуд добра. На этой почве рождается злобный и ненавистнический фанатизм. Винить во всем евреев, масонов, интеллигенцию есть такое же извращение, как во всем винить буржуазию, дворянство, старую власть. Нет, источник зла и во мне самом, и я должен и на себя переложить вину и ответственность. Это было бы верно и в отношении к старому самодержавию, это остается верным и в отношении к большевизму. Лишь молекулярные процессы внутри народной жизни, духовные и материальные, ведут к окончанию революции, к выходу из нее. Гражданские войны во время революции являются роковой неизбежностью, и во время войн этих может быть проявлен большой героизм и самопожертвование. Но никакие гражданские войны не могут положить конец революции, не могут быть выходом из трагедии революций. Гражданские войны целиком принадлежат самой иррациональной стихии революции, они пребывают в революционном распаде и увеличивают этот распад. Гражданские войны революционных и контрреволюционных армий есть обычно борьба сил революционных с силами дореволюционными, революцией пораженными. Настоящую же контрреволюцию, полагающую конец революции, могут сделать лишь силы пореволюционные, а не дореволюционные, лишь силы, развившиеся внутри самой революции. Контрреволюцию, начинающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни. Кончил революцию во Франции «сын революции» Наполеон, а не дворяне, не эмигранты, не партии, которые революция вытеснила из жизни в своем стихийном потоке. Революция, как некий органический патологический процесс, вырабатывает в своих недрах силы, которые принесут избавление от ее демонов. Тот, кто находит выход из революции, из ее безвыходной стихии, обычно «ее носил в самом себе». Она непреодолима извне. Бонапартизм — типичный исход революции. Сила Кромвеля и Наполеона в том, что они являются роковыми людьми, носителями рока революции. И опыт истории,

и наш собственный духовный опыт научает тому, что революции могут быть преодолены лишь силами пореволюционными, лишь началами, отличными и от тех, что господствовали до революции, и от тех, что господствуют в самой революции. Все дореволюционное есть лишь внутренняя составная часть самой революции, самого революционного распада. Дореволюционное и революционное есть одно и то же, но в разные моменты. Революция есть догнивание старого режима. И нет спасения ни в том, что начало гнить, ни в том, что довершило гниение. Спасение может быть лишь в зарождении новой жизни. Кончить революцию и избавить ее от кровавого кошмара не может ни русское земледельческое дворянство, желающее вернуть себе земли, ни старая русская буржуазия, желающая вернуть себе фабрики и капиталы, ни русская интеллигенция старого типа, желающая вернуть себе былой идейный престиж и осуществить свои старые политические программы. В русской революции в муках кончается Россия господская и Россия интеллигентская, и нарождается новая неведомая Россия. Кончить русскую революцию может лишь русское крестьянство, лишь народившаяся в самой революции новая буржуазия, лишь Красная армия, опомнившаяся от своего кровавого бреда, лишь новая интеллигенция, духовно углубившаяся в трагическом опыте революции и стяжавшая себе новые положительные идеи. Хорошо ли это или плохо, но это так. Таков рок, такова судьба. После революции нельзя ждать в России ничего особенно хорошего. Опустошения слишком велики. Деморализация ужасна. Культурный уровень должен понизиться. Но нужно прямо смотреть в глаза судьбе. Нет никаких оснований для розового исторического оптимизма. Христианство ему не научает. Мир идет к трагическому раздвоению и борьбе противоположных духовных начал. Но в путях этих имеет великий смысл устранение иллюзий, разоблачение подлинных реальностей. И революция, как и все в истории служат не тому, чему думают служить, смысл их неведом самим деятелям революции. Воля же наша должна быть направлена к осуществлению гениального афоризма Ж. де Местра: контрреволюция должна быть не обратной революцией, а обратным революцией.

Нельзя жить негативным чувством, чувством ненависти, злобы, мести. Нельзя негативными чувствами спасти Россию. Революция отравила Россию злобой и напоила ее кровью. Что будет с несчастной Россией, если контрреволюция отравит ее новой злобой и напоит ее новой кровью. Это будет продолжением кровавого кошмара революции, а не выходом из него. Партия ненависти и злобы есть одна партия; в ней соединены коммунисты и крайние монархисты. Никакая жизнь не может быть создана отрицательным, в основу ее

должно быть положено положительное. Наша любовь всегда должна быть сильнее нашей ненависти. Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков. В основе нашей политики должна лежать стихийная любовь к русской земле, к русской народной душе. Только такую направленность можно признать нормальным духовным устроением. Большевицкая революция была порождена отрицательными чувствами, она была делом злобы. Если против нее направить равные по силе отрицательные чувства, если низвержение ее превратить прежде всего в дело злобы, то продолжится дело разрушения. Между тем как с горестью нужно признать, что отрицательные и злобные чувства слишком часто владеют теми, которых революция жестоко обидела и обездолила. Это значит, что они не пережили революцию духовно, что они претерпели ее внешне, телесно. Поистине величайшая задача, которая стоит перед Россией, как и перед всем миром, это — задача выхода из кровавого круга революций и реакций, перехода в другое измерение. На негативном пути, определяемом лишь отрицательными реакциями, открывается плохая бесконечность революций и реакций. Кровь порождает кровь. Кровь отравила уже народы. Революция сама по себе носит характер отрицательной реакции, она имеет реакционную природу. И нужно выйти из подвластности отрицательным реакциям. Это — наш духовный долг, долг христиан. Революция случилась, она и была мрачной и кровавой реакцией против дореволюционного зла, зла старой жизни, злой реакцией на злую реакцию. И все силы духа должны быть направлены к положительному добру. Реставрация старой дореволюционной жизни невозможна. Когда читаешь письма последней русской царицы к последнему русскому царю, то всем существом своим чувствуешь, что революция предрешена и неизбежна, что старый режим обречен и возврат невозможен. И это совсем не есть осуждение личности тех, которые оказались мучениками и, как люди, были гораздо лучше нынешних правителей. Реставраций никогда не бывает. Бывают лишь судорожные конвульсивные движения сил, догнивающих в революции, сил, претерпевших распад в революции, и затем новые попытки сил, выдвинутых революцией, удержать свое жизненное положение. Бессмысленно реставрировать то, что привело к революции. Это есть пребывание в безвыходном магическом кругу. Выход из движения налево и направо может быть найден лишь в движении вглубь и ввысь. Идейная контрреволюция должна быть направлена к созданию новой жизни, в которой прошлое и будущее соединяются в вечном, она должна быть направлена и против всякой реакции. Революция уничтожила в России всякую свободу, и потому контрреволюция в России должна быть освободительным процессом,

должна дать свободу, свободу дышать, мыслить, двигаться, сидеть в своей комнате, жить духовной жизнью. Вот парадокс, который нужно сознать до конца.

* * *

Нельзя внешне относиться к революции, видеть в ней лишь эмпирический факт, никак не связанный с моей духовной жизнью, с моей судьбой. При таком внешнем отношении только и может человека душить бессильная злоба. Революция совершилась не только вне меня и надо мной как факт, несоизмеримый с моим смыслом жизни, т. е. абсолютно бессмысленный. Она совершилась также со мной как внутреннее событие в моей жизни. Большевизм в России явился и победил, потому что я таков, каков есть, потому что во мне не было настоящей духовной силы, не было силы веры, двигающей горами. Большевизм есть мой грех, моя вина. Это есть ниспосланное мне испытание. Страдания, которые мне причинил большевизм, есть искупление моей вины, моего греха, нашей общей вины и нашего общего греха. Все ответственные за всех. Только такое переживание революции может быть названо религиозным, духовно просветленным. Русская революция есть судьба русского народа и моя судьба, расплата и искупление народа и мои. Пусть «правые» не делают такого невинного, самодовольного и возмущенного выражения лиц. Грехи их велики, и им надлежит пройти через суровое покаяние. Революцию нужно с достоинством, с духовной силой до конца изжить как несчастье, посланное Богом. Претерпевший до конца спасется. Поверхностно и ложно смотрят на большевизм те, которые видят в нем исключительно внешнее насилие над русским народом шайки разбойников. Так нельзя понимать исторические судьбы народов. Это взгляд или обывателей, пострадавших от революции, или активных борцов, ослепленных в яростной стихии борьбы. Большевики не шайка разбойников, напавших на русский народ в его историческом пути и связавшая его по рукам и ногам, и не случайна их победа. Большевизм есть явление гораздо более глубокое и более страшное, более зловещее. Шайка разбойников была бы более невинным явлением. Большевизм есть не внешнее, а внутреннее для русского народа явление, его тяжелая духовная болезнь, органический недуг русского народа. Большевизм есть лишь отображение внутреннего зла, живущего в нас. Большевизм не есть самостоятельная онтологическая реальность, он не имеет бытия в себе. Он есть лишь галлюцинация больного народного духа. Большевизм соответствует духовному состоянию русского народа, выражает внешне внутренние духовные распады, отступничество от веры, религиозный кризис, глубокую деморализацию народа.

Советская власть — не демократическая власть и не поставлена каким-либо учредительным собранием. Но никакая власть не создавалась формально, ее всегда создает сила. И советская власть оказалась единственной возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев. Эта власть оказалась народной в очень нелестном для нее смысле. Но признать это важно для понимания революции. Другая власть не могла быть создана в стихии революции при той духовной и исторической обстановке, в которой эта стихия разбушевалась. Народ находился в лживом состоянии и создал лживую власть. Только большевизм мог как-нибудь организовать и сдержать раскованную им демоническую стихию. Истинный принцип авторитета власти был утерян. Жалкая и бессильная роль Временного правительства показала, что власть не может быть организована на гуманистических началах, не может быть либеральной и демократической, не может быть и социалистической в умеренном гуманном духе. Принцип же монархический проклинали и разлагали в течение столетия. Он пал. Он существовал потому, что имел санкцию в религиозных верованиях народа. Авторитет власти всегда ведь держится религиозными верованиями народа. Когда религиозные верования разлагаются, авторитет власти колеблется и падает. Это и случилось в России. Религиозные верования народа изменились. В народ начало проникать полупросвещение, которое в России всегда принимает форму нигилизма. Только большевики сумели организовать власть в соответствии с изменившимися верованиями народа, в соответствии с кровавой стихией войны. Когда рушатся духовные основы войны, она превращается в кровавую анархию, в войну всех против всех. И тогда оказывается возможной лишь грубая и кровавая диктатура. Рухнули все начала, охранявшие культурный слой в России. Этот культурный слой, эта тонкая культура возможны были лишь благодаря монархии, которая не допускала буйного разлития народной тьмы. Россия была необъятным и темным мужицким царством, с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем, сдерживавшим это царство и недопускаявшим растерзания народом этого культурного слоя. Пусть царская власть часто преследовала и гнала культурный слой, но она в прошлом делала возможным самое его существование, она до известного времени устанавливала качественную иерархию в русской жизни, градации и ступени. С падением царской власти в России наступило «упростительное смешение», низвержены были все качественные различия, разбита вся социальная структура русского общества, темная солдатско-

мужицкая стихия ее затопила. Культурный слой, не имевший корней в крепких социальных классах, был низвергнут в бездну. В таких условиях монархическая власть могла быть заменена только советской властью. Произошло страшное огрубение жизни, огрубение всего быта, воцарился солдатско-народный стиль. Большевики не столько создали эту грубую жизнь, грубый способ властвования, сколько отразили и выразили совершавшееся огрубение народной жизни. Власть, которая пожелала бы быть более культурной, не могла бы существовать, не соответствовала бы состоянию народа. Культурный слой, более утонченный, верный традициям, не мог более господствовать в России. Бог как бы передал власть большевикам в наказание за грехи народа. И потому во власти этой есть таинственная, им самим непонятная сила. Замечательно, что в русской революции нет борющихся сторон, нет активных партий. Этим она глубоко отличается от революции французской. Когда французский жирондист или монтаньяр шел на эшафот, он шел как гражданин, временно побежденный в борьбе. В русской революции нет чувства гражданства. У нас идут на расстрел с иным чувством, покоряясь роковой силе, безраздельно господствующей.

Русская культура была по преимуществу дворянской. Она кончилась. Дворянство низвергнуто. И оно само много сделало для своего падения. Оно выродилось и потеряло сознание своего призвания. Дворянский стиль культуры, который господствовал и в недворянских слоях, в буржуазии и интеллигенции, заменился стилем солдатско-мужицко-пролетарским. В этом стиле управлять страной может только советская власть, враждебная высшей культуре, объявившая войну всем качествам во имя количеств, грубая и жестокая в своих приемах. В первые ряды жизни выдвигает новый энергичный слой, прошедший школу на войне, жадный к жизни, завистливый и злобный, перенесший все приемы войны в управление страной, продолжающий войну во имя других целей внутри страны. Стиль советской власти — военный стиль. Это — стиль завоевателей. Но это менее всего означает, что завоеватели эти чужды состояниям самого народа. Народ и выдвинул их в момент своего падения и кровавого разложения. Большевики осуществили народный идеал черного передела. И они вполне отвечают русскому нигилизму. Это очень непопулярная и нелюбимая власть. Но непопулярная и нелюбимая власть может оказаться единственной возможной властью, ее может заслужить народ. Русский народ во время падшей войны и разложившейся революции только и заслужил такой власти. И это не значит вместе с тем, что русский народ — большевик. Катастрофа произошла в самых первоосновах русского общества и русской культуры, она произошла в глубине

духа народного. Русский народный слой, в сущности, никогда не мог не только социально, но и религиозно принять русский культурный слой и русское барство. Раскол между верхним и нижним слоями у нас всегда был таков, какого не знали народы Запада. Народ не принял войны, потом не принял гуманитарно-демократической власти. И в суждениях о революции и о путях спасения от нее нельзя игнорировать духовное состояние русского народа, состояние его верований или его неверия. Все определяется изнутри, а не извне. Никто не обязан поклоняться верованиям народа и воле народа, если он считает эти верования и эту волю злыми. Я не признаю принципа суверенитета народа. Но безумно было бы игнорировать духовное состояние народа. Власть не демократична по своей природе, но она должна быть народна. Все в конце концов определяется религиозными верованиями народа, ими определялось и существование самодержавной монархии. И если верования народные ложны и злы, то я все силы свои должен прежде всего направить на обращение моего народа к истинным и добрым верованиям. Духу принадлежит примат над политикой. Это теперь должно быть признано более чем когда-либо. *Русский вопрос есть сейчас прежде всего духовный вопрос.* Вне духовного перерождения Россия не может быть спасена. Неодухотворенная борьба за политическую власть сейчас лишь увеличивает ее болезнь, лишь усиливает разложение.

Между тем как те, которые вели активную борьбу против революции и коммунизма, не имели великой идеи, которую они могли бы противопоставить идее коммунистической. И в Западной Европе невозможно активное идейное движение против большевиков и большевиков и большевизма, потому что не сознает она правды, во имя которой могла бы подняться в крестовый поход.

Мы переживаем состояние, схожее с падением Римской империи и античной цивилизации III века, когда только христианство духовно спасло мир от гибели и окончательного разложения. Варварские начала уже вошли в дряхлеющую и падающую культуру. Аристократические основы культуры потрясены. И необходима новая переработка варварской стихии, необходимо рождение света во тьме. Большевизм нельзя ликвидировать хорошей организацией кавалерийских дивизий. Кавалерийские дивизии сами по себе могут лишь усилить хаос и разложение. Они поддерживают то недолжное и опасное состояние, в котором власть создается лишь внешней военной силой, лишь солдатчиной. На этом пути и погибла Римская империя. Большевизм должен быть прежде всего преодолен изнутри духовно, а затем уже политически. Должен быть найден новый духовный принцип организации власти и культуры. Военный принцип в наши дни может стать и злым принципом, и необходимо

искать выходов из его исключительного господства. Этому научает нас и нынешнее состояние Европы. Господство солдатчины грозит огрублением всей культуры и помимо большевиков. Вся европейская политика основана на насилии и лжи. И в Европе произошло страшное огрубение. Это мы видим и на таком интересном явлении, как фашизм. Итальянский фашизм вопреки распространенному мнению тоже был революцией, совершенной молодыми людьми, прошедшими школу войны, полными энергии и жажды преобладания в жизни. Эти молодые люди имеют психологическое сходство с советскими молодыми людьми, но энергия их направлена в другое русло и приняла не разрушительный, а созидательный характер. Мы живем в эпоху цезаризма. И значение будут иметь лишь люди типа Муссолини, единственного, быть может, творческого государственного деятеля Европы, который сумел подчинить себе и государственной идее воинствующе-насильнические инстинкты молодежи, дал выход энергии.

Я совсем не пацифист, наоборот, но бывают времена, когда необходимо восстать против того, чтобы исторические судьбы определялись исключительно военной силой. Россию погубило превращение народа в войско. Войско разрушило государство. И спасти может только какой-то высший принцип. Буржуазно-капиталистический милитаризм сам себя разрушил, он уничтожил войну в старом благородном смысле слова. Войны роковым образом превратились в революции. И сейчас в мире все более и более побеждает тип революционных войн. Новые технические открытия грозят истреблением человечества. Нет, проблема большевизма не есть внешне-механическая проблема, разрешимая военной силой, это — прежде всего внутренне-духовная проблема. Нельзя исключительно военным путем освободить Россию и русский народ от большевиков как шайки разбойников, которая держит его связанным. Это — внешнее и поверхностное восприятие. Русский народ в огромной массе своей терпеть не может большевиков, но он находится в большевистском состоянии, во лжи. Это — парадокс, который должен быть понят до конца. Русский народ должен быть выведен из большевистского состояния, преодолеть в себе большевизм. Есть ли это проповедь пассивности в противоположность активности, которую проповедают те, которые хотят разрешить русскую трагедию исключительно военной силой? Когда падала Римская империя и рушился весь древний мир, Диоклетиан проявлял большую энергию, пытаясь укрепить империю. Но меньшую ли активность проявлял Бл. Августин и не принадлежит ли ему большее место во всемирной истории, чем Диоклетиану? Наше время есть прежде всего время дел, подобных делу Бл. Августина. Нам нужна вера и идея. Спасение ныне погибающих обществ пойдет

от союзов и корпораций, имеющих крепкую основу, воодушевленных верою. Из них сложится новая ткань общества. Они должны укреплять связи в эпоху падения старых государств. А старые государства рушатся. Новая история кончается. И мы подходим к эпохе, аналогичной раннему средневековью. Реакционерными, людьми отсталыми, должны быть признаны те, которые хотят удержаться на принципах новой истории, вернуться к идеям XIX века, хотя бы то была демократия, гуманистический социализм и пр. Революция, совершающаяся в Европе, может производить впечатление реакции, как, например, фашизм. Но она, во всяком случае, направлена против начал новой истории, против бессодержательного либерализма, против индивидуализма, против юридического формализма.

* * *

Очень полезно в наши дни напомнить об идеях Ж. де Местра о революции, высказанных в его гениальной книге «*Considerations sur la France*»¹. Ему впервые удалось сказать что-то существенное о природе всякой революции. Революция — сатанична. В ней действуют не люди, а высшие силы. Революционеры лишь кажутся активными, в действительности они пассивны, они лишь орудие неведомой им силы. Но революции не только сатаничны, они также провиденциальны, они посылаются народам за их грехи, они есть искупление вины. Ж. де Местр не был человеком старого режима, дореволюционным человеком. Он понимал своеобразное величие революции, понимал ее роковой характер. Он, величайший идеолог реакции начала XIX века, глава теократической школы, роялист, думает, что революционеры, якобинцы действовали для славы Франции, в то время как контрреволюционеры, эмигранты хотели разделения Франции и победы над ней. Насильственную контрреволюцию де Местр признает решительным злом, он не хочет ее, он ждет терпеливо, чтобы созрела органическая почва для восстановления монархии. Ж. де Местр не любил эмигрантов эпохи французской революции и осуждал их, считал их деятельность ненациональной и непатриотической. Он настаивал на совершенном бессилии и ничтожестве французских эмигрантов. «Эмигранты ничто и не могут ничего». «Один из законов французской революций, что эмигранты ее могут атаковать лишь для собственного несчастья и совершенно исключены из какого бы то ни было дела, которое должно совершиться». «Они никогда ничего не предприняли, что бы удалось и даже что не было бы обращено против них. Они не только ничего не достигают, но и все, что они предпринимают, носит характер такого бессилия и ничтожества, что сложилось мнение о них, как о людях, которые защищают осужденное дело».

Эмигранты «не должны более делать внешних усилий, быть может, даже желательно, чтобы их никогда не видели в угрожающей позе» (с. 127). «Эмигранты ничего не могут, и можно даже прибавить, что они ничто» (с. 128). Ж. де Местр, который имел такую устрашающую репутацию, был сторонником мягкой и бескровной, почти нежной, контрреволюции, он решительный противник мести. У него есть также очень тонкая мысль, что не могут быть выразителями пореволюционной, контрреволюционной справедливости те, которые революцией обижены, так как они будут мстителями. «Самое большое несчастье, которое может случиться с деликатным человеком, это быть судьей убийцы своего отца, своего родственника, своего друга или похитителя своего имени. А это именно и случилось бы, если бы произошла контрреволюция такой, как ее ожидали; так как высшие судьи все почти принадлежали бы классу обиженному, и юстиция, даже если бы она только наказывала, имела бы вид мести». Вот изумительные по благородству слова, которые очень следует повторять в наши дни, когда жажда мести легко смешивается со справедливым судом. Де Местр тоже думал, что народ должен изжить горькие плоды революции и получить к ней отвращение, что революция должна сама себя пожрать. И он видит провиденциальную справедливость в том, что революционеры истребляют друг друга. Народы никогда не достигают того, к чему стремятся. И французская революция будет иметь положительное значение, но не то, которое пытались придать ей деятели революции. Сам Ж. де Местр был положительным результатом революции. Католическое и романтическое движение начала XIX века возможно было лишь после революции. Оно было настоящим завоеванием революции. Так будет и у нас. Положительным результатом революции будут религиозное углубление и возрождение. Начнется новая эпоха в христианстве, освобождена будет Церковь от власти государства. В суждениях пламенного революционера де Местра о революции была большая отрешенность. Об этих суждениях полезно напомнить в наше время. Но эмиграция эпохи русской революции отличается от эмиграции эпохи французской революции. Страдания ее велики. Она более разнообразна, к ней принадлежит очень высокий культурный слой, и она может иметь большое положительное культурное значение, если преодолет в себе специфически эмигрантскую психологию. В русской эмиграции есть героически настроенная молодежь, способная к самоотвержению. Задачи русской эмиграции лежат прежде всего в области духовной и национально-культурной, а не политической. Но русская эмиграция пока не имеет вдохновляющих ее идей. Нельзя назвать идеей возврат к политическим

формам, господствовавшим в недавнем прошлом или в жизни, или в сознании. Все старые политические формы, будь то монархия или демократия, отжили свое время и сами по себе не имеют цены.

* * *

Русская революция совершилась по Достоевскому. Он пророчески раскрыл ее идейную диалектику и дал ее образы. Достоевский понимал, что социализм в России есть религиозный вопрос, вопрос атеистический, что русская революционная интеллигенция совсем не политикой занята, а спасением человечества без Бога. И тем, которые хотят понять смысл русской революции, необходимо вдуматься в прозрения Достоевского. Можно открыть неисчислимое количество причин русской революции. Многие из этих причин бросаются всякому в глаза. Страшная война, которой духовно и материально не мог выдержать русский народ, слабое правосознание русского народа и отсутствие в нем настоящей культуры, земельная неустроенность русского крестьянства, зараженность русской интеллигенции ложными идеями — все это бесспорные причины русской революции. Но не на этих путях раскрывается основной смысл русской революции. Смысл этот раскрывается в ее духовном первофеномене. В историческом процессе действуют разнообразные причины, которые раскрывает историческая наука, но философия истории имеет своей целью раскрытие основных духовных феноменов, первофеноменов, в которых и нужно искать смысл исторических событий. Так, для новой истории таким основным духовным феноменом являются гуманизм и его внутренняя диалектика. Он и лежит в основе французской революции, хотя она имела свои многообразные специфические причины. И вот я утверждаю, что в основе русской революции, разыгравшейся в полуазиатской, полуварварской стихии и в атмосфере разложившейся войны, лежит религиозный факт, связанный с религиозной природой русского народа. Русский народ не может создать срединного гуманистического царства, он не хочет правового государства в европейском смысле этого слова. Это — аполитический народ по строению своего духа, он устремлен к концу истории, к осуществлению Царства Божьего. Он хочет или Царства Божьего, братства во Христе, или товарищества в антихристе, царства князя мира сего. В русском народе всегда была исключительная, неведомая народам Запада, отрешенность, он не чувствовал исключительной прикованности и привязанности к земным вещам, к собственности, к семье, к государству, к своим правам, к своей мебели, к внешнему бытовому укладу. Русский народ приковывался к земной жизни грехом, и грехи его были не меньше, даже больше, чем у народов Европы. Русский народ, вероятно, менее

честный и добропорядочный народ, чем народы Запада. Но народы Запада добродетелями своими прикованы к земной жизни и к земным благам. Русский же народ добродетелями своими отрешен от земли и обращен к небу. В этом духовно воспитало его православие. Европейский человек считает свою собственность священной и не позволит без жестокой борьбы отнять ее у себя. У него есть идеология, оправдывающая его отношение к земным благам. Русский человек, даже если грех корыстолюбия и стяжательства овладел его природой, не считает своей собственности священной, не имеет идеологического оправдания своего обладания материальными благами жизни, и в глубине души думает, что лучше уйти в монастырь или сделаться странником. Легкость низвержения собственности в России произошла не только от слабости правосознания в русском народе и недостатке буржуазной честности, но от исключительной отрешенности русского человека от земных благ. То, что европейскому буржуа представлялось добродетелью, то русскому человеку представлялось грехом. И русский помещик никогда не был до конца уверен, что он по правде владеет своей землей. Не случайно А. С. Хомяков думал, что он владеет землями лишь по поручению народа управлять ими. И русский купец думал, что нажился он не чистыми способами и раньше или позже должен покаяться. Православие внушало идею обязанности, а не идею права. Обязанности не исполняли по греховности, право же не считали добродетелью. Буржуазная идеология никогда не имела у нас силы и не владела русскими сердцами. У нас никогда не было идейно приличного обоснования прав буржуазных классов и буржуазного строя. Буржуазный строй у нас, в сущности, почти не считали грехом, — не только революционеры-социалисты, но и славянофилы и русские религиозные люди, и все русские писатели, даже сама русская буржуазия, всегда чувствовавшая себя нравственно униженной.

И европейского буржуа нельзя противопоставить русскому коммунисту. По духовному складу русского народа, русского человека так нельзя победить коммунизм, нельзя победить его буржуазными идеями и буржуазным строем. Такова Россия, таково призвание русского народа в мире.

Хомяков и К. Леонтьев, Достоевский и Л. Толстой, Владимир Соловьев и Н. Федоров низвергают буржуазный строй и буржуазный дух не менее, чем русские революционеры, социалисты и коммунисты. Такова русская идея. И русским патриотам следует ее познать. Русский религиозный человек сознает, что перед лицом Божиим европейский буржуа не лучше, чем русский коммунист. И не может русский человек хотеть, чтобы на место коммуниста пришел европейский буржуа. Он не соглашается за-

менять коммунистические пороки буржуазными добродетелями, ибо добродетели эти он низвергает. Секуляризованная культура, добропорядочная и благоустроенная цивилизация не соблазняют русского человека, русского религиозного человека. Поэтому и социализм у нас носит сакральный характер, есть лже-Церковь и лжетеократия. Русские люди всегда духовно противились власти буржуазно-мещанской цивилизации XIX века, не любили ее, видели в ней умаление духа. В этом Герцен и Леонтьев сходятся. И нельзя русским людям привить немецкий или французский патриотизм, западноевропейский национализм. Многие русские патриоты и националисты выглядят безнадежными инородцами, чуждыми душе России. Все это нужно помнить, чтобы понять характер русской революции. У нас никогда не было буржуазной идеологии. Никогда не было у нас и идеологии государственной. Катков не был характерным для России мыслителем. Русский дух не может признать верховенство государственной идеи, она всегда будет занимать подчиненное место, а часто и совсем отсутствовать. Русским людям присущ своеобразный анархизм. Русский народ устремлен к Царству Божьему, и этим объясняются не только его добродетели, но и многие его пороки. Ибо Царство Божье нудится и есть бремя послушания миру, которое должен нести человек на земле, есть долг в отношении к историческому процессу, который русские люди часто забывают. Вот почему наша несчастная и безобразная революция должна быть признана национальной. Душа русского человека устремлена к Царству Божьему, но она легко поддается соблазнам, подменам и смещениям, легко попадает во власть царства лжи. И царство лжи и подмены воцарилось в России. В большевиках есть что-то запредельное, потустороннее. Этим жутки они. Магические токи и энергия исходят из самого среднего большевика. За каждым большевиком стоит коллективная намагниченная среда, и она повергает русский народ в магнетический сон, заключает русский народ в магический круг. Нужно расколдовать Россию. Вот главная задача.

* * *

Русскую революцию нужно пережить духовно углубленно. Должен наступить катарсис, внутреннее очищение. Тот не пережил духовно революцию, кто пережил ее корыстно, кто хочет возвращения себе утерянного имущества, кто полон злобы и жаждет возмездия. Это — телесное, а не духовное переживание революции, обывательское к ней отношение. Не духовно пережил революцию тот, кто к ней приспособился, не сумел отстоять в ней свободу своего духа, и тот, кто мечтает о реставрации старой, дореволюционной

жизни, полный злобы и мести, не сознает своего собственного греха. Лишь подлинное покаяние делает переживание революции духовным. Через тайну и таинство покаяния раскрывается новая жизнь. Только покаяние освобождает от власти темного прошлого, от давящих его призраков. Психология христианского покаяния прямо противоположна не только психологии революционной, но и психологии реставрационной, всегда мстительно-злой. Жажда мести и жажда реставрации старой греховной жизни совсем не совместима с покаянием, всегда обращенным к новой жизни, это состояние нераскаявшихся грешников. Духовное и углубленное переживание революции должно признать глубокую серьезность переживаемого кризиса, русского и мирового. Нельзя продолжать делать вид, что ничего особенного не случилось, что произошло лишь буйство, безобразие и скандал, которому легко положить предел полицейско-военными мерами. Нет ничего более жалкого, как самоутешение людей, выбитых из первых рядов жизни, выражающееся в отрицании самого факта революции, в желании назвать ее смутой и бунтом. Я думаю, что не только произошла революция в России, но происходит и мировая революция. Происходит мировой кризис, подобный падению античного мира. И желать возвращения к тому состоянию мира, которое было до катастрофы мировой войны, значит совершенно не отдавать себе отчета в том, что происходит, не иметь исторической перспективы. Изжиты основы целой исторической эпохи. Все основы жизни потрясены. Обнаружились ложь и гнилость тех основ, на которых покоилось цивилизованное общество XIX и XX веков. И эти основы, которые в гниении своем породили страшные войны и революции, хотят реставрировать, вожделеют этой греховной и дурной жизни. Ужасен прогрессивный паралич, но не менее ужасен сифилис, на почве которого он произошел. И в России, и в Европе нет возврата к довоенной и дореволюционной жизни и не должно быть. Если бы совершился этот возврат, то страдания и муки наших дней не имели бы смысла и оправдания. Дурное реакционерство и есть желание возврата к недавнему прошлому. Революция не создает новой, лучшей жизни, в ней совершается лишь гниение старой, греховной жизни. Но духовно пережитый опыт войны и революции должен обратить к новой, лучшей жизни. Это каждый духовно просветленный человек должен решить для себя независимо от того, оптимистически или пессимистически он смотрит на историческое будущее. Новая, лучшая жизнь есть прежде всего духовная жизнь. И каждый должен сказать себе: *fais ce que tu dois, advient se qui pourra*².

Нет возврата к старому интеллигентному либерализму, народничеству, социализму, как нет возврата к старой монархии,

старому дворянскому быту. Мы должны желать новой, лучшей жизни, осуществления права.

Кончилась барская, господская Россия, и все тленное и грешное в ней не должно быть возрождено. Вечное же в старой России неистребимо и должно войти во всякую новую жизнь. В аристократии есть вечное начало, и мир не мог бы существовать без аристократии. Но русскому дворянству как классу и сословию никогда не будет возвращено то социальное значение, которое оно имело в прошлом. Вождедель этого значит наполнять свое сердце злобой и ненавистью. Никогда не вернет себе старого своего положения и русская буржуазия. В этом отношении произошел не внешний, а внутренний переворот. Революции совершаются не только для социальных интересов низших классов общества, но и для того, чтобы перестали говорить «ты» и начали говорить «вы». В этом отношении у нас случился бесповоротный бытовой переворот. Барско-господское отношение к народу более невозможно. Замена «ты» на «вы» и будет, вероятно, единственным бытовым завоеванием революции. Еще более глубокой революцией было бы, если бы все начали говорить друг другу «ты». Но к этому не ведут внешние революции, этого не могла достигнуть французская революция, хотя и пыталась. Отныне аристократия должна оставаться благородством породы. В России разрушена структура социальных классов. И это было легко сделать, потому что у нас никогда не было сильных социальных классов. Но нужно отдать себе отчет в том, что в России сейчас все классы уничтожены, кроме крестьянства. Дворянства и буржуазии как социальных классов в России больше не существует. Коммунистическая революция уничтожила попутно и рабочий класс. Кроме крестьянства существуют лишь советская бюрократия и угнетенная интеллигенция. И совершенно непонятно, на какие слои думает опереться реставрация. Но в России образовался новый слой, не столько социальный, сколько антропологический слой. В русской революции победил новый антропологический тип. Произошел подбор биологически сильнейших, и они выдвинулись в первые ряды жизни. Появился молодой человек в френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый. Его можно повсюду узнать, он повсюду господствует. Это он стремительно мчится на автомобиле, сокрушая все и вся на пути своем, он заседает на ответственных советских местах, он расстреливает, он наживается на революции. Этот молодой человек, внешне мало похожий и даже во всем противоположный старому типу революционера, или коммунист, или приспособился к коммунизму и стоит на советской платформе. Он

заявляет себя хозяином жизни, строителем будущей России. Старые большевики, русские интеллигенты-революционеры, боятся этого нового типа и предчувствуют в нем гибель коммунистической идеи, но должны с ним считаться. Чека также держится этими молодыми людьми. Это — новый русский буржуа, господин жизни, но это не социальный класс. Это прежде всего новый антропологический тип. В России, в русском народе что-то до неузнаваемости изменилось, изменилось выражение русского лица. Таких лиц прежде не было в России. Новый молодой человек — не русский, а интернациональный по своему типу. В России появился вкус к силе и власти, буржуазный вкус, которого у нас не было и нарощения которого хотели наши буржуазные идеологи и который должны были бы теперь приветствовать. Война сделала возможным появление этого типа, она была школой, выработавшей этих молодых людей. Дети, внуки этих молодых людей будут уже производить впечатление солидных буржуа, господ жизни. Эти господа проберутся к первым местам жизни через деятельность Чека, совершив неисчислимое количество расстрелов. И кровь не остановит их в осуществлении своей похоти жизни и похоти власти. Самая зловещая фигура в России — это не фигура старого коммуниста, обреченная на смерть, а фигура этого молодого человек. В ней может быть загублена душа России, призвание русского народа. Этот новый антропологический тип может свергнуть коммунизм, он может обернуться русским фашизмом. Но от этого еще не будет большой радости. Все дело не в поверхности жизни, именуемой коммунизмом и советской властью, а во внутренних процессах, совершающихся в России. Страшно именно то, что в коммунистической революции Россия делается впервые буржуазной, мещанской страной, какой она никогда не была. Ловкие, беззастенчивые и энергичные дельцы мира сего выдвинулись и заявили свои права быть господами жизни. Им неведома уже будет русская тоска по Небесному Иерусалиму. Царская, дворянская, мужицкая, монашеская странническая и интеллигентская Россия никогда не была буржуазным мещанским царством. То, чего так безумно боялся К. Леонтьев, совершилось. И об этом нужно глубже задуматься, чем о способах свержения советской власти. Русская эмиграция недостаточно понимает, что русский вопрос совсем не в кучке большевиков, стоящих у власти, которую можно было бы свергнуть, а в огромном слое новых людей, пришедших к господству в жизни, которых свергнуть не так легко. Коммунистическая революция есть прежде всего материализация русской жизни, парадоксально связанная с развоплощением исторических тел. Коммунизм есть борьба против духа и духовной жизни. И его моральные последствия более ужасны, чем послед-

ствия государственные, правовые и экономические, они будут длительнее. Россия переживает эпоху деморализации, погони за наслаждениями жизни, аналогичную эпохе директории. Материализация и деморализация захватили не только коммунистов, этот процесс гораздо шире. Русские люди привыкают к рабству, им более не нужна свобода, они предали свободу духа за внешние блага. Черное чувство зависти становится определяющей силой мира. И трудно остановить его возрастающую власть.

В России прерывается культурная традиция. Предстоит страшное понижение уровня культуры, качества культуры. Россия в преобладающей своей части сделается царством цивилизованного крестьянства. Новая русская буржуазия, под которой следует понимать не класс фабрикантов и банкиров, а победоносный социально-антропологический тип, предъявит спрос на техническую цивилизацию, но не будет нуждаться в высшей культуре, всегда аристократической. Процесс варваризации у нас неотвратимо должен произойти. Мы можем утешать себя тем, что после войны варваризация должна произойти и происходит частично и повсюду в Европе. Революция разбила не только русское дворянство, но и русскую интеллигенцию в старом смысле слова. Интеллигенция столетие мечтала о революции и готовила ее. Но осуществление революции оказалось ее гибелью, ее собственным концом. Одна часть интеллигенции стала властью, другая же ее часть была выброшена за борт жизни. Революция изобличила ложность идеологии, которой жила интеллигенция. Должна народиться новая народная интеллигенция, но она будет очень понижена в своем культурном уровне, ей не свойственны будут высшие запросы духа. Ведь и интеллигенция Чернышевского была уже значительным понижением культурного уровня по сравнению с интеллигенцией Чаадаева, Хомякова и Герцена. Когда русский мужик пожелает устроить свою жизнь, ему не понадобятся ни с.-р., ни кадеты, ни правые, он сам устроится. Грядущий образ России двоятся, он не может быть воспринят целостно. Старая, великая Россия была полна великих контрастов и полярных противоположностей. И все же был у нее целостный образ. Одна и та же Россия чувствовалась на вершинах русской культуры, у великих русских писателей и в самых темных недрах народной стихии. Этого, по-видимому, более не будет. В России как бы происходит разделение на два царства. Качественно будет продолжать существовать вечная Россия, Россия духовная, призванная сказать свое слово в конце истории, но количественно, может быть, будет преобладать Россия безбожной цивилизации. Но и повсюду в мире должно произойти разделение и повсюду, по видимости, могут побеждать враждебные Христову духу начала.

Наши усилия должны быть направлены к победе вечной, качественной России, и усилия эти не пропадут в нравственном миропорядке.

Старая интеллигентски-революционная психология теперь перешла к контрреволюционным эмигрантским кругам. Те чувства, которые раньше были направлены на самодержавие, переносятся на большевиков. Большевизм для русской интеллигенции заменил самодержавие и исполняет его роль. Подобно тому как раньше думали, что настоящая жизнь начнется лишь после крушения самодержавия, так и теперь думают, что настоящая жизнь начнется лишь после крушения большевизма. Так вся жизнь ставится в исключительно внешнюю перспективу, все ожидания связаны исключительно с внешним политическим переворотом. Контрреволюционная в отношении к большевистской революции интеллигенция осталась по психологии своей старолиберальной и старорадикальной. Но ничего нет бесплоднее в нашу эпоху, чем такого рода либерализм или радикализм. И опять следует напоминать о правде старых «Вех», эта правда остается в силе и при большевиках. Она прежде всего заключается в том, что жизнь определяется изнутри и духовно, а не извне и политически, как думают революционеры и подобные им контрреволюционеры, она призывает к духовной работе и нравственному оздоровлению. Нельзя верить в спасительность политических форм, демократических или монархических. Спасает дух, который создает свои новые формы. Для нового вина нужны новые меха. Легитимизм, все равно монархический или демократический, есть мертвая идея в катастрофические периоды истории. Монархия, да еще насильно навязанная народу, не может быть конкретной задачей в нашу эпоху и для монархистов.

Революция нанесла тяжелые раны России, от которых она с трудом сможет оправиться. Но в одном отношении революция будет иметь положительные результаты — она послужит делу возрождения Церкви и религиозной жизни в России. Революция всегда помогает проявить действительно религиозное состояние народа. В жизни религиозной у нас накопилось много лжи и лицемерия. Внешне-бытовое и корыстно-утилитарное отношение к Православной Церкви преобладало у слишком многих. Авторитет косного православного быта должен быть разбит. У верхнего нашего слоя, у дворянства и бюрократии религиозность не была глубокой и христианство не принималось достаточно всерьез. Религиозность саддукеев всегда носит характер государственный, и в ней перспективы жизни временной всегда побеждают перспективы жизни вечной. В церковной жизни нашей были заметны признаки омертвения. Революция рассеяла лживую атмосферу вокруг Церкви и разрыхлила почву, на которой возгорается религиозный свет.

В атмосфере революции нет уже никаких оснований притворяться православным, нет уже никаких внешних выгод от Церкви, и государственная религиозность не имеет места. Революция изначально носит характер антирелигиозный и антихристианский. Она гонит христианство, и гонения эти приобрели безобразный характер. Но гонения никогда не были страшны для христианства. Гонение для Церкви лучше, чем насильническое покровительство. В гонениях христианство крепло и возрастало. Христианство есть религия распятой правды. Религиозные гонения революционной эпохи производят качественный отбор. Церковь потеряет в количестве, но выиграет в качестве. Христианство вновь требует от верных сынов своих жертвостоспособности. И эта жертвостоспособность в стихии революции была проявлена. Русские православные священники в лучшей своей части остались верны святыне, мужественно защищали православие, мужественно шли на расстрел. Христиане показали, что умеют умирать. Русская Православная Церковь внешне унижена и растерзана, но внутренне возросла и возвеличена. Она имеет мучеников. Православная Церковь показала, что внутреннее единство ее, внутренний свет ее и мистические основы ее остаются незыблемы и после того, как внешнее церковное управление и внешний строй Церкви разрушен. В России, несомненно, происходит церковное углубление. Русские люди, претерпевшие величайшие испытания, живут в религиозно-напряженной атмосфере. Суровость и серьезность жизни, близость смерти, падение всех внешних иллюзий и утеря тех внешних вещей, которые поработают человеческий дух, — все это обращают к Богу и духовной жизни. Интеллигенция, которая столетие была враждебна вере и проповедовала тот атеизм, который ее привел к революции, начинает обращаться к религии. Это — новое явление. И в самой России это движение к религиозной жизни не носит корыстного характера, не связано с реставрационными планами и жаждой вернуть себе утраченные блага жизни. Русские люди пережили подлинный духовный опыт, изменили свое отношение к благам жизни. К сожалению, нужно сказать, что Русская Православная Церковь на Западе за рубежом нередко подвергается угнетению и засилию правых политических партий, воспроизводящих в малом масштабе старые отношения Церкви и государства. На почве утилитарно-политического отношения в Церкви не будет ни возрождения Церкви, ни возрождения России. Церковь не может себя связать с какой-либо застывшей политической формой. Только бескорыстно-духовное отношение к Церкви, только согласие на жертвы и на отказ от привилегированных благ жизни могут вести к религиозному возрождению и спасению нашей Родины. Теперь не время ни для саддукеев, ни для фарисеев.

Теперь время реализации в жизни евангельской истины. Будущее России зависит от религиозных верований русского народа. Это должны осознать все политики и покориться этой истине. Лучший из русских старцев³ накануне моей высылки из России рассказал мне, как к нему ходили каяться коммунисты и красноармейцы, и говорил, что надеется не на Деникина и Врангеля, а на действие духа Божьего в самом грешном русском народе. Это не только религиозно, но и национально более авторитетный голос, чем голоса тех русских эмигрантов, которые почитают себя националистами и патриотами, но в русский народ не верят. Слова старца прозвучали как голос из иного мира, в котором нет «правых» и «левых», нет борьбы политических партий за власть и борьбы классов за свои материальные интересы. И мы сами должны обратиться к иному миру, чтобы в нем найти критерии для наших оценок и энергию для наших дел. Должно быть религиозно преодолено ложное идолопоклонство перед государством и национальностью.

Нельзя, невозможно и недолжно поставить себя вне России и русского народа, вне его единой судьбы. Произошло обобществление человеческой судьбы, и нет уже судьбы индивидуально-изолированной. Индивидуализм кончен. С русским народом и русской землей нужно до конца претерпеть все испытания и все страдания. Россия прежде всего там, где русская земля и русский народ. И само прикосновение к русской земле есть уже начало исцеления и обретения истоков жизни. Вот почему психология специфически эмигрантская есть греховная психология, убивающая источники жизни. Ее может и не быть у русских людей, живущих за границей. Спасена Россия может лишь изнутри, лишь через жизненные процессы, протекающие в самой России. Народ не хочет умирать и спасает себя жизнью. Большевицкая власть к жизни должна приспособляться. В советское строительство верить нельзя. Оно ужаснее и кошмарнее советского разрушения. Это — система Шигалева, система скотоводства, примененная к людям.

Большевики лишь внешне поражают своей силой. Но они до ужаса бездарны, и на делах их лежит печать пошлости и скуки. Они имитируют людей власти. Но русский народ за всем этим и несмотря на все это живет, он остался великим и одаренным народом. В недрах России, в ее первичных истоках происходят молекулярные процессы, которые и приведут к ее спасению. И вы сами можете быть участниками этих жизненных процессов и изменять их результаты, если вы духовно чувствуете себя внутри русского народа и русской земли. Нет ничего безнравственнее принципа: чем хуже, тем лучше. Он возможен лишь для тех, которые чувствуют себя вне того, чему будет хуже или лучше. Кто с Россией, русской землей и русским

народом, тот может лишь желать, чтобы ему было лучше. Да и конец большевизма придет от улучшения, а не от ухудшения положения России. Гнет голода и нищеты укрепляет большевиков. Жизнь в самой России есть мука, согласие на жертву и подвиг, на унижение. Но этой мукой, жертвой и подвигом спасается Россия. Самый факт жизни в Советской России есть уже непрерывная духовная активность, духовное противление тем ядам, которые отравляют дыхание. Коммунистическая власть принуждает к повиновению голодом и подкупом. И слабым людям трудно устоять. Странно вспомнить о жалобах и негодованиях на отсутствие свободы и тиранию в старом строе. Тогда все-таки была огромная свобода по сравнению со строем советским. Все произойдет иначе, чем думает большая часть эмигрантов и представителей политических партий. Много неожиданностей предстоит. И освобождение придет не оттуда, откуда его ждут люди, а откуда его пошлет Бог. Нельзя ждать спасения от Европы, которой нет дела до нас и которая сама агонизирует. Нельзя изнасиловать русский народ, нужно способствовать его перерождению изнутри. Революция должна сама себя изжить, истребить себя. И то, что большевизм так долго существует, что он не был внешне и насильственно свергнут, имеет и хорошую сторону. Коммунистическая идея сама себя опозорила, она не может уже иметь никакого ореола, яд не может войти внутрь. Процесс выздоровления есть медленный, но органический процесс. Это есть прежде всего искупление от духа лжи, выход из царства призраков и фантомов к реальностям. Сейчас более всего необходимо утверждать примат духовной активности над политической. Необходимо духовно бороться с кровавым кошмаром, охватившим мир. Исключительное преобладание политики увеличивает этот кошмар и усиливает жажду крови. Теперь нужно спасать свободу человеческого духа. Опять перед христианскими народами стоит вопрос о том, принимают ли они всерьез свое христианство и хотят ли направить свою волю к его осуществлению. Если христианские народы не сделают величайшего напряжения духа для осуществления христианского пути, если не проявят величайшей активности, то в мире будет торжествовать атеистический коммунизм. Свободный же дух должен действовать независимо от того, какие силы преобладают и торжествуют. Христианство возвращается к состоянию до Константина и должно вновь завоевывать мир.

